

УДК 94(37).07

ПЕРЕБЕЖЧИКИ И ПРЕДАТЕЛИ В РИМСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ

© 2014 г.

А.В. Махлаюк

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

makhl@imomi.unn.ru

Поступила в редакцию 01.09.2014

Рассматривается вопрос о предательстве в армии ранней Римской империи (I – начало III в. н.э.). Анализ фактов измены и предательства в римской императорской армии и интерпретации этих воинских преступлений в юридических источниках показывают взаимосвязь традиционных правовых установлений и идеологических представлений о предательстве с реалиями профессионального войска. Имеющиеся в нашем распоряжении источники не дают возможности для разносторонней оценки феномена предательства в римской императорской армии. Большая часть сведений о перебежчиках и предателях содержится в правовых источниках. Сам характер этой информации не позволяет с определенностью судить о степени распространенности феномена предательства в римской императорской армии. Нарративные тексты императорского времени содержат сравнительно немного эпизодов и подробностей перехода римских солдат на сторону врага. Однако сама немногочисленность подобных свидетельств говорит о том, что *transfugium* не носило сколько-нибудь массовых масштабов. Очевидно, система правовых норм, касавшихся перебежчиков, была достаточно действенной, чтобы стимулировать верность присяге. По своей сути и содержанию, эти нормы восходят к практике республиканского периода. В их идеологическом обосновании акцент делается на верность воинскому долгу и дисциплине, а отнюдь не на личную преданность императору. Это значит, что идея служения государству (*res publica Romana*) оставалась одной из основ римских военных традиций и в эпоху Империи.

Ключевые слова: римская императорская армия, предательство, измена, *proditio*, *transfugium*, *transfugae*, римское военное право.

Осенью 69 г. н.э. мятежные галлы под предводительством Классика, Татора и Сабина, занимавших командные посты во вспомогательных войсках императорской армии¹, отложились от римлян и присоединились к антиримскому восстанию батава Юлия Цивилиса². Задумав создать «Галльскую империю» (*imperium Galliarum*), они решили переманить на свою сторону уцелевшие части вителлианской армии (это были легионы I *Germanica* и XVI *Gallica*), которыми командовал легат XXII Первородного легиона Гай Диллий Вокула. Для этого они стали приглашать для переговоров центурионов и легионеров в свой лагерь, находившийся неподалеку от Новезия (*Novaesium*, совр. Neuss), и, соблазнив их посулами и деньгами³, добились обещания совершить, как пишет Тацит (*Hist. IV. 57*), «неслыханное преступление» (*flagitium incognitum*) — привести римскую армию к присяге варварами (*Romanus exercitus in externa verba iurarent*) и в знак верности этому замыслу убить или заковать в цепи своих военачальников. Узнавший об этом Вокула созвал воинов на сходку и обратился к ним с речью, в которой попытался убедить их в том, что положение отнюдь не безнадежно, и которую завершил гневным укором в адрес солдат и мольбой к богам:

Изменники среди изменников, предатели среди предателей, преследуемые гневом богов, будете вы метаться от тех кому принесли присягу сначала, к тем кому присягнули потом. О, Юпитер Сильнейший и Величайший... О Рима создатель Квирин! Молю и заклинаю вас: если уж вы не позволили, чтобы эти лагеря под моим началом сохранили всю свою неподкупную чистоту, не дайте хоть Татору и Классику осквернить их; пусть римские воины либо не совершат преступления, либо быстро раскаются в содеянном и не понесут никакого наказания⁴.

(Пер. Г.С. Кнабе)

Несмотря на то что речь эта вызвала у легионеров самые разные чувства, в том числе и стыд⁵, ситуацию переломить не удалось: Вокула был убит⁶, другие легаты были закованы в цепи, и прибывший в лагерь Классик принял присягу на верность Галльской империи — *pro imperio Galliarum* (*Tac. Hist. IV. 59*). Так совершилось беспрецедентное в римской военной истории коллективное предательство⁷, которое в глазах Тацита было тем чудовищнее, что для него война с восставшими батавами и галлами была войной одновременно и междоусобной, и внешней, — *internum simul externumque bellum* (*Hist. II. 69*).

В марте 70 г., после длительной осады, дойдя до крайности от голода и лишений, на милость Цивилиса сдались и воины легионов V Alaudae и XV Primigenia в Старых лагерях (Vetera castra, близ нынешнего Ксантена). Им также пришлось присягнуть на верность галлам — *in verba Galliarum iurarent* (Tac. Hist. IV. 60), причем агитировали их римские солдаты, перешедшие на сторону Классика, который выбрал из них, как пишет Тацит, «нескольких самых подлых» (*corruptissimum quemque*) и послал к осажденным, чтобы они убедили их собственным примером (Tac. Hist. IV. 59). Однако сдавшихся, несмотря на принесенную присягу, ждала трагическая участь: когда они с пустыми руками покинули свой лагерь, из засады их атаковали германцы, в результате чего многие были уничтожены на месте, а остальные разбежались или вернулись в лагерь; но разграбленный лагерь был сожжен вместе с теми, кто избежал смерти в бою (Tac. Hist. IV. 60).

В конечном итоге, после того как армия под началом Петилия Цериала летом 70 г. н.э. подавила антиримский мятеж на Рейне, все четыре легиона, присягнувшие галлам, хотя и приняли участие в борьбе против германцев, чтобы до некоторой степени загладить свою вину, были распущены и замещены на рейнской границе новыми — IV и XVI, которые получили наименование Flavia [4, с. 129; 5, р. 324–329; 7, р. 281]. Были ли применены к отпавшим легионерам какие-то другие кары, наши источники не сообщают. Так или иначе, можно согласиться с той красноречивой оценкой этих событий в целом, которую дал в свое время Т. Моммзен: «В военной истории Рима Канны, Карры и Тевтобургский лес можно назвать славными страницами по сравнению с двойным позором Новезия; лишь отдельные лица, но не отряды остались незапятнанными в этом всеобщем бесчестии» [4, с. 130].

* * *

Действительно, такие эпизоды, как красочно описанный Тацитом переход легионов на сторону мятежных галлов в 70 г. н.э., как бы ни трактовать его мотивы и конкретные обстоятельства⁸, высвечивают если не коренные изъяны римской военной системы в целом, то, во всяком случае, свидетельствуют о серьезных проблемах и «сбоях» в ее функционировании, периодически возникавших на разных этапах истории Рима. Эти проблемы вовсе не отменяют того факта, что армия ранней Римской империи была наиболее эффективной военной машиной Древнего мира, сила которой заключалась прежде всего в высочайшем уровне ор-

ганизации, военно-технической оснащенности и гибкой тактике, опиравшейся на легионную пехоту, в профессионализме и дисциплине солдат. Не приходится сомневаться, что эффективность императорской армии, как и ее исключительно значимая роль в государственном управлении и политической жизни, была не в последнюю очередь обусловлена также особым военно-этическим кодексом и воинскими традициями, целенаправленно культивировавшимися в армейской среде [8–15]. Вместе с тем в корне неверно было бы идеализировать римские вооруженные силы в целом, закрывая глаза на те сложности, с которыми подчас сталкивались государственные власти и военачальники Рима в отношениях с войском даже в периоды наивысшего могущества Римской державы. К числу таких проблем, требовавших реакции верховной власти и военного командования на местах, наряду с воинскими мятежами [16–19], относятся дезертирство (*desertio*), измена и переход римских солдат на сторону неприятеля (*proditio, transfugium*). Они случались на разных этапах истории Рима, а не только во времена гражданских войн, когда приобретали массовый характер и даже фактически переставали рассматриваться в качестве тяжкого воинского преступления [20–22]. О том, какие масштабы могло приобретать дезертирство даже в относительно спокойные времена, свидетельствует т. н. *bellum desertorum* – развернувшееся в правление Коммода (185–186 гг. н.э.) движение под предводительством некоего Матерна, дезертировавшего из армии, который собрал большую шайку дезертиров и разбойников. Его отряды действовали в Верхней Германии и даже осадили VIII Августов легион в Аргенторате (Страсбург). Они проникали и на территорию Италии, а сам Матерн задумывался об императорской власти, но был схвачен и казнен (Herod. I. 10; CIL XI. 6053; см.: [23–24; 2, S. 84–85]). В период поздней Империи проблемы дезертирства из армии становятся, по всей видимости, особенно острыми, что находит отражение в законодательстве: в «Кодексе Феодосия» в VII книгу включен специальный раздел *De desertoribus et occultatoribus eorum* – «О дезертирах и их укрывателях» (CTh. VII. 18). Их рассмотрение, однако, выходит за рамки нашей статьи⁹.

Эта сторона римской военной истории, надо сказать, не обойдена вниманием в современной историографии, хотя количество специальных исследований сравнительно невелико. В частности, дезертирство как воинское преступление неоднократно изучалось и специалистами по римскому праву [27], и историками [25–26; 28–32]. Наряду с дезертирами исследователи рас-

считают и перебежчиков, но главным образом на материале республиканской эпохи, как в недавних работах К. Вольф¹⁰ [20–21] и М. Гюйе [22]. В серии статей М. Валлехо Гирвес, которая наиболее подробно разрабатывает данную тему, обращается внимание как на правовые аспекты данного явления, так и на его конкретно-исторические причины и проявления [33–34]. Из более старых работ можно отметить статьи Л. Шнорра о *transfugae* и М. Фюрманна о *proditio* в «Реальной Энциклопедии классических древностей» Паули – Виссова [35–36], в которых систематизированы основные источники по этим понятиям. Названные исследования, однако, не исчерпывают всех аспектов темы предательства в римской армии. В частности, заслуживает более пристального внимания материал, относящийся к периоду ранней Империи (I – начало III в. н.э.), который в названных работах, по сути дела, специально не выделяется, хотя именно в это время в императорских конституциях и сочинениях римских юристов формулируются законоположения, относящиеся к воинским преступлениям и отражающие как реакцию властей на новые вызовы и проблемы, так и их отношение к исконным военным традициям Рима. Поэтому в данной работе мы остановимся как на самих фактах измены и предательства в римской императорской армии, так и на их трактовке в юридических источниках, с тем чтобы по возможности выявить взаимосвязь традиционных правовых установлений и идеологических представлений о предательстве с реалиями профессионального войска и с изменениями военно-политической ситуации в Империи.

* * *

Если говорить в общем плане, то, согласно римским представлениям, предательство отечества относилось к тягчайшим преступлениям, наряду с тиранией и отцеубийством (Dion. Hal. VIII. 80. 1; см. также: [36, Sp. 1223], с другими источниками), и со времен Законов XII таблиц (Tab. IX. 5)¹¹ подлежало суровому наказанию. Предательство вообще и в военных делах в частности входило в число тяжких государственных преступлений (*perduellio*), караемых законом о величии римского народа, как *lex Cornelia*, так и *lex Iulia de maiestate* [37, S. 547–549; 36, Sp. 1227; 29, p. 241–242; 33, p. 404; 34], который, по словам Тацита (Ann. I. 72. 2), был направлен, помимо прочего, и против тех, кто причинил ущерб войску предательством (*proditione exercitum*). Согласно Ульпиану, под действие Юлиева закона подпадал «тот, кто пошлет врагам римского народа вестника или письмо либо даст знак (*nuntium litterasve miserit sig-*

numve dederit) или злоумышленно сделает так, чтобы врагам римского народа помогли советом против государства» (Dig. 48. 4. 1, *Ulpianus libro septimo de officio proconsulis*; пер. И.С. Перетерского). В число такого рода изменников включался и «тот, кто оставил войско либо частным человеком перебежал к неприятелю» — *qui exercitum deseruit vel privatus ad hostes perfugit* (Dig. 48. 4. 2, *Ulpianus libro octavo disputationum*). В трактовке Марциана (Dig. 49. 4. 3, *Marcianus libro quarto decimo institutionum*), к лицам, умалявшим государственное величие, относились и те, кто на войне сдаст крепость или лагерь (*qui in bellis cesserit aut arcem tenuerit*¹² *aut castra concesserit*). Сцевола добавляет к этому перечню того, «вследствие злого умысла которого войско римского народа будет приведено в засаду или предано неприятелю»¹³, или о ком утверждается, что вследствие его злого умысла сделано так, чтобы враги не попали под власть римского народа; или усилиями и по злему умыслу которого врагам римского народа будет оказана помощь провиантом¹⁴, военным снаряжением, оружием, лошадьми, деньгами или чем-нибудь другим¹⁵, или (будет сделано так), чтобы друзья римского народа стали врагами; или вследствие злого умысла которого будет сделано так, чтобы царь чужеземного народа не повиновался римскому народу¹⁶; или усилиями и по злему умыслу которого будет сделано так, чтобы врагам римского народа были даны заложники, деньги, вьючный скот против государства» (Dig. 48. 4. 4, *Scaevola libro quarto regularum*; пер. И.С. Перетерского).

Из приведенных пассажей следует, что под действие закона о *maiestate* подпадали преступные изменнические акты, совершаемые как рядовыми солдатами, так и командирами и высокопоставленными должностными лицами. Очевидно, что в этом законе использовалось понятие *proditio*, но его общее определение не формулируется, и в целом ни в эпоху Республики, ни в императорское время римское право не применяло этого понятия в строгом техническом значении [36, Sp. 1229, 1230].

Как предательство в древности рассматривалось и уклонение от воинского призыва, о чем прямо пишет Менандр: «в древности уклонявшиеся от призыва отдавались в рабство как предатели свободы (*qui ad dilectum olim non respondebant, ut proditores libertatis in servitutum redigebantur*), но теперь с изменением характера армии (*mutato statu militiae*) отказались от применения смертной казни, потому что ряды армии большею частью пополняются добровольцами» (Dig. 49. 16. 4. 10, *Arrius Menander libro primo de re militari*). В процитированном пасса-

же важна, во-первых, сама констатация перехода к новым принципам формирования армии, а во-вторых, признание отказа от исполнения воинской обязанности не просто тяжким преступлением с точки зрения устоев гражданской общины, но предательством. Надо сказать, что изменение характера вооруженных сил отразилось, в частности, на правовой интерпретации и правовых санкциях такого воинского преступления, как дезертирство. Не вдаваясь в детали¹⁷, отметим, что в период Империи, судя по свидетельствам римских правоведов, при рассмотрении дел о дезертирстве надлежало принимать во внимание различные конкретные обстоятельства, которые могли как усугубить¹⁸, так и смягчить виновность, вплоть до прощения, которое давалось новобранцам¹⁹, что позволяет говорить об определенной волне гуманизации военного права [38, p. 119].

Что же касается предательства, совершаемого воинами, то можно сказать, что римляне, по сути, не делали различий между собственно военной и государственной изменой; более того, особо тяжкие воинские деликты, включая проявление трусости и дезертирство, рассматривались не просто как нарушение присяги, но и как предательство [36, Sp. 1227–1228; 29, p. 251; 34, p. 171–172; 39, p. 6–7; 27]. Уже изложенный выше рассказ Тацита об отпадении римских легионов во время восстания Цивилиса (и прежде всего речь Вокулы к солдатам) позволяет констатировать некоторые принципиально важные моменты в римском понимании этого преступления. Во-первых, понятие «предатель/изменник» (*proditor*) было, по сути, тождественным понятию «перебежчик» (*transfuga*)²⁰. Во-вторых, для легионеров предательство означало нарушение воинской присяги (*sacramentum militiae*), освящаемой богами, которая прямо требовала верности знаменам и беспрекословного исполнения воли командующего²¹. В-третьих, это нарушение присяги рассматривалось также как бесчестье (*dedecus*). Эти моменты подтверждаются, как мы увидим далее, и другими источниками.

Стоит отметить, что термин *transfuga*, происходящее от глагола *transfugere*²², является словом из солдатского языка [35, Sp. 2152] и иногда сближается с понятием *desertor* [36, Sp. 1224]. Так, по словам Исидора Севильского (*Etym.* IX. 3. 99), «те, которые оставляют войско, переходя к врагу, также именуются дезертирами» (*qui deserunt exercitum ad hostes transeuntes et ipsi desertores vocantur*). В литературных источниках нередко встречается сочетание понятий *desertor* и *proditor*, которое, однако, используется не в точном «техническом» значении этих терминов, но

скорее плеонастически, для эмоционального усиления высказывания (ср., например: *Caes.* B.C. II. 32. 7; *Liv.* II. 59. 9; *Tac. Ann.* II. 10. 1; *Hist.* I. 72. 3; II. 44. 2). Понятно, что перебежчик, прежде чем перейти на сторону врага самовольно, как и дезертир, покидал свою часть и тем самым, по сути, совершал двойной деликт [22, p. 224]. Но обычно эти понятия разводятся и в юридических текстах императорского времени трактуются отдельно. Главное различие заключается в намерениях оставляющего свою часть воина. *Transfuga*, как и синоним этого понятия – *perfuga*, определяется Фестом как тот, кто по своей воле перешел к врагу, причем в надежде на некие выгоды²³. Римские юристы, следуя базовым принципам права и казуистическому подходу, конкретизируют то содержание, которое вкладывалось в данное понятие. Прежде всего подчеркивается, что сам акт перехода на сторону противника, т. е. предательство, делает перебежчика врагом со всеми вытекающими отсюда последствиями, включая меру и форму наказания. Ибо, по словам Юлия Павла, того, кто по злему умыслу и с предательским намерением оставил отечество, следует причислить к врагам: *nam qui malo consilio et proditoris animo patriam reliquit, hostium numero habendus est* (*Dig.* 49. 15. 19. 4, *Paulus libro sexto decimo ad Sabinum*)²⁴. Соответственно, предатели и перебежчики после разжалования могли быть подвергнуты пытке и в большинстве случаев должны быть приговорены к смертной казни, потому что, как подчеркивает Тарруnten Паттерн, они рассматриваются как враги, но отнюдь не как воины: *nam pro hoste, non pro milite habentur* (*Dig.* 49. 16. 7, *Tarruntenus Paternus libro secundo de re militari*). Даже если перебежавший к врагу римский воин затем возвращался обратно, то, как отмечает Модестин, хотя легионеры и не подлежат таким наказаниям, он подвергался пытке и приговаривался или к растерзанию зверями²⁵, или к распятию (*torquebitur ad bestiasque vel in furcam damnabitur*) (*Dig.* 49. 16. 3. 10, *Modestinus libro quarto de poenis*).

В юридических текстах уточняются конкретные обстоятельства и квалификационные признаки данного преступления, а также определяются в зависимости от них виды наказания. По определению Павла, перебежчиком считается не только тот, кто перешел на сторону врага и сделал это во время войны, но и тот, кто сделал это во время перемирия или перешел под защиту к тем, кто не является дружественной стороной²⁶. Аррий Менандр указывает, что если захваченный в плен воин не вернулся тогда, когда он мог это сделать, то он рассматривается как перебежчик²⁷. Более того, по утверждению

Модестина, смертной казни подлежал и тот воин, который был задержан, когда намеревался перебежать к врагу (Dig. 49. 16. 3. 11, *Modestinus libro quarto de poenis*). К перебежчику, по сути, приравнивался тот, кто был захвачен на посту (*in praesidio*). При этом, однако, оговаривается, что если легионер был захвачен неожиданно во время перехода или когда он нес донесение (*epistolam fert*), то его следует простить (Dig. 49. 16. 5. 5, *Arrius Menander libro secundo de re militari*). В подобной ситуации требовалось принять во внимание поведение воина в прошлом; и если он характеризовался положительно, то при возвращении из плена по истечении срока службы он восстанавливался в правах и получал положенные ветерану награды (Dig. 49. 16. 3. 12, *Modestinus libro quarto de poenis*). Единственное обстоятельство, которое могло избавить *transfuga* от смертной казни, было определено рескриптом Адриана: допускается оказать пощаду тому перебежчику, который захватил большое число разбойников и выявил других перебежчиков. «Однако, — как подчеркивает Менандр, — не следует делать этого в отношении того, кто (ограничивается обещаниями)»²⁸.

Очевидно, что суть предательства заключалась не только в самом факте перехода на сторону врага, но и в разглашении замыслов командования и военной тайны вообще, за что перебежчик мог рассчитывать на награду со стороны неприятелей. Поэтому те, кто разглашал им соответствующие сведения (*consiliorum postorum renuntiatores*), подлежали такой же жестокой каре, как и перебежчики: их либо сжигали живьем, либо распинали на крестах²⁹ (Dig. 48. 19. 38. 1, *Paulus libro quinto sententiarum*). Как предатели, подлежащие смертной казни, рассматривались и разведчики (*exploratores*), которые сообщили врагам военные тайны³⁰ (Dig. 49. 16. 6. 4, *Arrius Menander libro tertio de re militari*). В период поздней Империи как преступление, близкое к предательству (*proditiōni proximum*), стала трактоваться передача врагу оружия или железа (Cod. Iust. IV. 41. 2, 455–457 гг.); но, возможно, эта трактовка восходит к толкованию состава преступлений против величия римского народа по *lex Iulia de maiestate* (ср. пассаж из Dig. 48. 4. 4, цитированный выше).

Беспощадная суровость наказания для перебежчиков и изменников, отмеченная в источниках императорского времени, вполне соответствует известным примерам республиканского времени³¹. Однако свидетельствами литературных источников применение этих норм почти никак не подтверждается. Только у Аммиана Марцеллина сообщается, что дезертиры и тру-

сы, оставившие бой, были наказаны отрубанием рук и сожжением заживо (XXIX. 5. 31; 49). Также неизвестно, продолжали ли применяться в период Империи те виды казни перебежчиков, что практиковались в эпоху Республики, такие как сбрасывание с Тарпейской скалы в Риме после порки розгами в Комиции (Liv. XXIV. 20. 6) или обезглавливание (Liv. XXIV. 30. 6).

Наказание перебежчиков и предателей из числа воинов, судя по всему, входило в юрисдикцию командующего [36, Sp. 1224]. Как воинский деликт, предательство не попадало под действие права провокации [36, Sp. 1227]. Более того, *transfuga* самим фактом своего преступления становился врагом (*hostis*), автоматически лишаясь гражданских прав, и подлежал экстраординарному суду [37, S. 43; 590, Anm. 2; 623] и даже, согласно Марциану, перебежчик мог быть убит как враг на том месте, где его застигли³². Более детальных сведений о процедуре суда над перебежчиками источники не сообщают.

В юридических памятниках императорского времени также фиксируют различные правовые последствия, вытекающие из самого факта перехода на сторону врага. В частности, на перебежчиков не распространялось ни право *postliminium*³³ (т. е. восстановления в имущественных правах по возвращении на родину с вражеской территории; см.: [45]), ни процедура *restitutio in integrum* — «восстановление в целости»³⁴, обеспечивавшая защиту собственности. Перебежчик юридически переставал быть членом семьи. По утверждению Павла, «перебежчик, сын семейства, не может вернуться по праву постлиминия даже при живом отце, потому, что отец его так же потерял, как и отечество, и потому, что воинская дисциплина для римских родителей была важнее любви к детям»³⁵. Вероятно, в том случае, если человек, совершивший предательство, осуждался по *lex Iulia de maiestate*, его имущество подлежало конфискации в пользу государства [37, S. 1006–1008].

О конкретных мотивах и причинах перехода на сторону врага наши источники дают весьма скудную информацию. Можно предположить, что в большинстве случаев, скорее всего, данная форма предательства была связана со стремлением избежать наказания за совершенные в рядах войска проступки, а также, возможно, с выгодными материальными условиями и более привлекательными политическими предложениями противной стороны. Причиной могла стать и деморализация войска при затянувшейся осаде. Если верить Диону Кассию, во время осады Иерусалима именно из-за этого на сторону иудеев стали переходить некоторые римляне, которых охотно принимали и окружа-

ли заботой, даже несмотря на нехватку съестных припасов (Dio Cass. LXV. 5. 4). О каких-то идейных или моральных соображениях, как и в случае дезертирства, говорить не приходится³⁶ (ср.: [32, S. 142–145]; см. также: [26]).

Следует также сказать, что римские военные власти, суровыми мерами борясь с предательством в рядах собственных войск, поощряли переход на свою сторону вражеских воинов. Считалось даже, что «врагу наносят больший урон перебежчики, чем убитые»³⁷. Вполне вероятно, что подобного мнения придерживались и противники римлян. Именно перебежчики, которым фактически был закрыт обратный ход, чаще всего сражались против «своих» с наибольшим ожесточением³⁸. С этим, в частности, столкнулся Германик во время подавления Панноно-далматского восстания в 9 г. н.э. По сообщению Диона Кассия (LXVI. 15. 1–2), в одной из крепостей множество перебежчиков (αὐτόμολοι), среди которых, вероятно, были и легионеры, даже взбунтовалось против местных, когда те стали склоняться к перемирию.

В связи с тем потенциальным уроном, который могли причинить армии *transfugae* и *proditores*, понятна суровость установленных для них в римской армии наказаний, призванных предотвратить эти воинские деликты. Объяснимо также и то первостепенное значение, которое римляне всегда придавали возвращению перебежчиков. По завершении военных кампаний это было одним из условий заключения мира³⁹. Так, известно, что при заключении мира с Децебалом после первой дакийской войны в 102 г. до н.э. царь, помимо прочего, должен был выдать перебежчиков и обязывался не укрывать никого из дезертиров и не принимать к себе на службу ни одного воина из пределов Римской державы (как замечает Дион Кассий, «он ведь большую и лучшую часть своего войска набрал оттуда, убеждая людей переходить к нему» [Dio Cass. LXVIII. 9. 5–6]). Правда, эти и другие обязательства по мирному договору так и не были выполнены (Dio Cass. LXVIII. 10. 3), что и привело к возобновлению военных действий. Отказ бриттов от выдачи перебежчиков Светоний называет одним из поводов британского похода императора Клавдия (Suet. Claud. 17. 1). Чем тяжелее были военные действия, тем больше была вероятность появления перебежчиков. Тяжелые Маркоманские войны в правление Марка Аврелия сопровождалась массовым пленением римских подданных и, по всей видимости, наличием большого числа перебежчиков. Во всяком случае, при заключении мира выдача Риму и тех, и других была непременно условием. Сообщающий об этом Дион Кассий пи-

шет о десятках тысяч человек, но не указывает, сколько из них были пленными и сколько перебежчиками (и какого рода). Интересно замечание историка о том, что квады, возвращая некоторых пленников и перебежчиков, продолжали удерживать у себя их родственников в расчете на то, что ради них выданные снова станут перебежчиками (Dio Cass. LXXII. 13. 3; см. также: Dio Cass. LXXII [LXXI]. 11. 2; LXXII. 11. 3–4; 20. 1; LXXIII [LXXII]. 2. 2). Из этих свидетельств, однако, не ясно, кем именно были названные перебежчики и какова была их судьба после возвращения в пределы Римской империи.

Подводя итоги, следует констатировать, что имеющиеся в нашем распоряжении источники не дают возможности для разносторонней оценки феномена предательства в римской императорской армии. Большая часть сведений о перебежчиках и предателях, как явствует из изложенного материала, содержится в правовых источниках, главным образом «Дигестах Юстиниана». Сам характер этой информации — по преимуществу нормативной — не позволяет с определенностью судить о степени распространенности феномена предательства в римской императорской армии. Нарративные тексты императорского времени содержат сравнительно немного эпизодов и подробностей перехода римских солдат на сторону врага; весьма скупо освещают они и конкретные меры, предпринимаемые властями и командованием в отношении совершавших этот деликт воинов. Однако сама немногочисленность подобных свидетельств, относящихся в основном к затяжным и сложным для римлян кампаниям, скорее говорит о том, что *transfugium* не носило сколько-нибудь массовых масштабов. Очевидно, система правовых норм, касавшихся перебежчиков, была достаточно действенной, чтобы стимулировать верность присяге. По своей сути и содержанию, эти нормы (включая суровость грозивших предателям наказаний) восходят к практике республиканского периода. Примечательно, что в их идеологическом обосновании акцент делается на верность воинскому долгу и дисциплине, а отнюдь не на личную преданность императору. Это значит, что идея служения государству (*res publica Romana*) оставалась одной из основ римских военных традиций и в эпоху Империи (ср.: [12]). Естественно, в большинстве случаев переход на сторону тех варварских племен или восточных народов, с которыми в эпоху Империи сражались римляне, отнюдь не сулил очевидных материальных выгод и жизненных перспектив потенциальным изменникам из числа легионеров.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-01-00088. Работа частично поддержана грантом (соглашение от 27 августа 2013 г. № 02.В.49.21.0003 между МОН РФ и ННГУ).

Примечания

1. Юлий Классик из племени тревиров был префектом конной алы; тревир Юлий Титор был назначен Вителлием префектом прирейнских земель; знатный лингон Юлий Сабин, считавший себя правнуком Юлия Цезаря, был провозглашен императором «Галльской империи».

2. Об этом восстании см.: [1; 2, p. 69–83; 3], а также: [4, с. 120–132; 5, p. 231–336].

3. Случай подобного соблазнения щедрыми обещаниями имел место во время кампании Германика против Арминия. Один из воинов последнего, знавший латинский язык, подсказал к валу римского лагеря и громко объявил, что германский вождь обещает каждому, кто перейдет на его сторону, жен и поля и по сто сестерциев в день до завершения боевых действий. Но легионеры сочли этот призыв оскорблением (Tac. Ann. II. 13. 1).

4. Tac. Hist. IV. 58: *Transfugae e transfugis et proditores e proditoribus inter recens et vetus sacramentum inuisi deis errabitis? te, Iuppiter optime maxime... te, Quirine, Romanae parens urbis, precor venerorque ut, si vobis non fuit cordi me duce harc castra incorrupta et intemerata servai, at certe pollui foedarique a Tutore et Classico ne sinatis, militibus Romanis aut innocentiam detis aut maturam et sine noxa paenitentiam.*

5. Разнородность настроений солдат Тацит отмечает и в дальнейшем рассказе, указывая, что перед выступлением из Невезия в Колонию Тревиоров легионеры проводили время в размышлениях: трусы (*ignavissimus quisque*) бледнели от страха, настоящие солдаты стыдились содеянного (*melior pars rubore et infamia*), другие вовсе не печалились о своем позоре (*alii nulla dedecoris cura*), думая лишь о том, как надежнее спрятать деньги (Hist. IV. 62). Такая психологическая нюансировка вообще характерна для тацитовского изображения солдатской массы (см.: [6]).

6. Вокулу, собиравшегося покончить с собой, убил дезертир I легиона Эмилий Лонгин, специально присланный для этой цели Классиком.

7. По словам Б. Хендерсона, «a fouler page of history was never written in the military annals of Rome» [5, p. 288].

8. Не надо забывать, что осенью 69 г. Цивилис присягнул Веспасиану, и Тацит ошибочно полагает, что германские легионы также принесли клятву Веспасиану, хотя легат Верхней Германии Гордеоний Флакк, поддержавший Цивилиса, был убит собственными солдатами именно тогда, когда он пытался организовать эту присягу. Поэтому в условиях, когда у вителлианских легионов не было собственных кандидатов на императорский престол из числа сенаторов, солдаты могли предпочесть остаться верными имени Вителлия, приняв сторону галльских племен. См.: [7, p. 280–281].

9. Специальный анализ проблем дезертирства в поздней имперском законодательстве см. в работах: [25–26].

10. Книга К. Вольф [20] остается единственным монографическим исследованием, посвященным данной теме.

11. Dig. 49. 4. 3 (*Marcianus libro quarto decimo institutionum*): *Lex duodecim tabularum iubet eum, qui hostem concitaverit quive civem hosti tradiderit, capite puniri* («Закон XII таблиц предписывает, чтобы тот, кто будет подстрекать врага либо выдаст врагу согражданина, карался смертью»).

12. Возможно, следует исправить на *tradiderit* [37, S. 547, Anm. 6].

13. Ср.: Cic. De or. 2. 39. 164; Paul. Sent. V. 29. 1.

14. В таком преступлении обвиняли Карсидия Сацердота, якобы снабжавшего хлебом Такфарината, восставшего против Рима в Африке, но он был оправдан (Tac. Ann. IV. 13).

15. Ср.: Dig. 39. 4. 11 pr., *Paulus libro quinto sententiarum*; Cod. Iust. IV. 41. 2. За это преступление полагалась смертная казнь.

16. Примеры обвинений в подобного рода деяниях можно найти у Тацита: знатный македонянин Антистий Ветер был предан суду за оскорбление величия, как бунтовщик и соучастник замыслов Рескуприда (Tac. Ann. III. 38).

17. Подробнее см.: [27–29].

18. Так, если дезертирство в мирное время наказывалось разжалованием и переводом в менее почетный род войск, то во время войны оно каралось смертью. Более тяжелому наказанию подлежал тот, кто к дезертирству присоединил другое преступление (в частности, если это была кража или что-то подобное, то виновный наказывался как за вторичное дезертирство). Кроме того, отягчающим обстоятельством было задержание дезертира в городе Рима: в этом случае он должен был быть наказан смертью (Dig. 49. 16. 5. 1–3, *Arrius Menander libro secundo de re militari*).

19. В период Империи при разборе дел о дезертирстве предписывалось принимать во внимание род войск, ранг и чин воина, откуда он дезертировал, обязанность, на него возложенные, и прошлое его поведение; учитывалось также, дезертировал ли виновный один, или с кем-нибудь другим, или со многими и не было ли во время дезертирства совершено какое-либо другое преступление; время, проведенное в дезертирстве, и последующее поведение виновного тоже влияли на судьбу дезертира, как и то, явился ли он в часть не по принуждению, или вследствие того, что был кем-то задержан (Dig. 49. 16. 5 pr., *Arrius Menander libro secundo de re militari*). Новобранцы же, как незнакомые еще с дисциплиной, могли рассчитывать на снисходительность к своему проступку (Dig. 49. 16. 4. 15; ср.: 49. 16. 3. 9; 14. 1, а также: Tac. Ann. XIII. 35. 4). Император Адриан предписал принимать во внимание прежнее поведение солдата при расследовании вопроса о дезертирстве (Dig. 49. 16. 5. 6). Вернувшиеся в часть дезертиры подлежали разжалованию и переводу в другие места службы (Dig. 49. 16. 3. 9) либо ссылке на острова (Dig. 49. 16. 5. 4). Кроме того, в императорское время дезертирство стали отличать от самовольной отлучки (Dig. 49. 16. 3. 2; 5; 7).

20. Ср. выражение Таррунтена Паттерна в «Дигестах»: *Proditores transfugae plerumque capite*

puniantur... – «предатели-перебежчики преимущественно караются смертью...» (Dig. 49. 16. 7; Tarruntinus Paternus *libro secundo de re militari*), а также замечание Вегеция: ...interdum transfugae proditores non desunt... – «иногда бывают и перебежчики и предатели...» (Erit. III. 6).

21. См.: [40, p. 36 et suiv., особенно p. 41; 41, S. 76 ff.]. Полная формула sacramentum militiae императорского времени не сохранилась, но, возможно, в ее текст включалось обязательство быть готовым пожертвовать жизнью ради римского государства (pro Romana republica) (Veget. II. 5; ср.: Serv. Ad Aen. VIII. 1). См.: [12]. Об институте присяги в императорское время см. также: [38, p. 48–49; 42, S. 73–85; 43, p. 22 ff.; 44, S. 182 ff.].

22. Нередко соответствующее действие передается синонимичными глаголами: perfugere ([Caes.] B. Afr. 8; 19; 66; Amm. Marc. XVIII. 10. 1; XXVII. 8. 9; XXIX. 4. 2; XXXI. 15. 2; ср. прямое указание Феста: perfuga et transfuga dicitur, quod ad hostes perfugiat et transfugiat [Fest, p. 266]), transire (Vell. Pat. II. 84. 2), confugere (SHA. Opim. Macr. 8. 2; Dig. 49. 16. 3. 10).

23. Perfugam, Gallus Aelius ait, qui liber, aut servus, aut hostis sui voluntate ad hostes transierit, qui idem dicitur transfuga; quanquam sunt, qui credant perfugam esse, non tam qui alios fugiat, quam qui ob spem commodorum ad quempiam perfugiat (Fest. s. v. Perfuga, p. 214).

24. Ср. также: Dig. 4. 5. 5. 1, Paulus *libra undecimo ad edictum*: Qui deficient, capite minuuntur (deficere autem dicuntur, qui ab his, quorum sub imperio sunt, desistunt et in hostium numerum se conferunt)... («Те, кто отложился, умаляются в правоспособности (ведь “отложиться” говорят о тех, которые отрекается от тех, под чьей властью они находятся, и которые относят себя к числу врагов)...»).

25. Сражение с дикими зверями на арене как наказание для перебежчиков практиковалось и во II в. до н.э. (Liv. Per. LI).

26. Dig. 49. 15. 19. 8, Paulus *libro sexto decimo ad Sabinum*: Transfuga autem non is solus accipiendus est, qui aut ad hostes aut in bello transfugit, sed et qui per indutiarum tempus aut ad eos, cum quibus nulla amicitia est, fide suscepta transfugit.

27. Dig. 49. 16. 5. 4, Arrius Menander *libro primo de re militari*: Qui captus, cum poterat redire, non rediit, pro transfuga habetur.

28. Dig. 49. 16. 5. 8, Arrius Menander *libro primo de re militari*: Qui transfugit et postea multos latrones adprehendit et transfugas demonstravit, posse ei parci divus Hadrianus rescripsit: ei tamen pollicenti ea nihil permitti oportere.

29. Ульпиан в качестве казни для перебежчиков указывает только сожжение живьем: «враги же (отечества), а также перебежчики приговариваются в наказание к сожжению живьем» (Dig. 48. 19. 8. 2, Ulpianus *libro nono de officio proconsulis*).

30. На безоговорочную стойкость разведчиков, захваченных неприятелем, по-видимому, командование и не особо рассчитывало, как показывает замечание Вегеция: «само себе как бы создает предателя то войско, чей разведчик попадает в руки врагов» (Erit. III. 6: Nam quodammodo ipse sui proditor invenitur cuius speculator fuerit ab adversariis comprehensus).

31. Как об образцовых exempla такого рода жестокой кары сообщает Валерий Максим, рассказывая о расправе Сципиона Африканского Старшего с перебежчиками, которые оказались в его руках после победы над Карфагеном. Тех из них, кто был римскими гражданами, он распял на крестах как patriae fugitivos — «беглых рабов, покинувших родину», а тех, кто был из числа союзников, подверг обезглавливанию — secure percussit (Val. Max. II. 7. 12; ср.: Liv. XXX. 43. 13). По сообщению того же писателя, Квинт Фабий Максим всем, кто перебежал на сторону врага, приказал отрубить руки, чтобы внушить ужас остальным воинам (Val. Max. II. 7. 11). Вероятно, этим примерам следовал Авидий Кассий в свою бытность наместником, когда, если верить его жизнеописанию, у многих дезертиров отсекал руки, другим перебивал голени и подколенные чашечки (SHA. Avid. Cass. 4. 5).

32. Dig. 48. 8. 9. 3. 5, Marcianus *libro quarto decimo institutionum*: Transfugas licet, ubicumque inventi fuerint, quasi hostes interficere.

33. Dig. 49. 15. 19. 4, Paulus *libro sexto decimo ad Sabinum*: Transfugae nullum postliminium est: nam qui malo consilio et proditoris animo patriam reliquit, hostium numero habendus est. sed hoc in libero transfuga iuris est, sive femina sive masculus sit. Ср. Dig. 4. 6. 14, Callistratus *libro secundo edicti monitorii*: nam transfugis nullum credendum est beneficium tribui, quibus negatum est postliminium («кибо следует думать, что перебежчикам не должно быть оказываемо никакого благодеяния, так как за перебежчиками отрицается право на получение обратно их имущества»).

34. Dig. 41. 1. 51 pr., Celsus *libro secundo digestorum*: Transfugam iure belli recipimus. Et quae res hostiles apud nos sunt, non publicae, sed occupantium fiunt («перебежчика мы принимаем по праву войны. И то вражеское имущество, которое находится у нас, становится не государственным, а принадлежит тем, кто его захватил»).

35. Dig. 49. 15. 19. 7, Paulus *libro sexto decimo ad Sabinum*: Filius quoque familias transfuga non potest postliminio reverti neque vivo patre, quia pater sic illum amisit, quemadmodum patria, et quia disciplina castrorum antiquior fuit parentibus Romanis quam caritas libertorum. Нельзя не отметить заключающую данный пассаж ссылку на традиционные римские устои.

36. Понятно, что в условиях гражданской войны мотивы перехода на сторону противника имели подчас совсем иное содержание и подоплеку, включая личные чувства по отношению к командующему (подробнее см.: [22; 20, p. 263–314]).

37. Veget. Erit. III. 26: In sollicitandis suscipiendisque hostibus, si cum fide veniant, magna fiducia est, quia adversarium amplius frangunt transfugae quam perempti.

38. См., например, рассказ Полибия и Аппиана о 900 римских перебежчиках, фанатично сражавшихся против римлян во время осады и штурма Карфагена в 146 г. до н.э.: Polyb. XXXVIII. 20; App. Lib. 130–131.

39. См., например: Liv. XXX. 16. 10; 16. 15; 37. 3; XXXII. 33. 3; 35. 9; XXXIII. 30. 5; XXXIV. 33. 3; 35. 6; XXXVIII. 38. 7; 9; Sall. B. Jug. 62. 6.

Список литературы

1. Urban R. Der «Bataveraufstand» und die Erhebung des Iulius Classicus. Trier: Verlag Trierer Historische Forschungen, 1985. 105 S.
2. Urban R. Gallia rebellis: Erhebungen in Gallien im Spiegel antiker Zeugnisse. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1999. 165 S.
3. Timpe D. Tacitus und der Bataveraufstand // Römisch-germanisch Begegnungen in der späten Republik und frühen Kaiserzeit. Voraussetzungen — Konfrontationen — Wirkungen. Gesammelte Studien. München, 2006. S. 318–357 (= Timpe D. Gegenwärtige Antike — antike Gegenwart. Kolloquium zum 60. Geburtstag von Rolf Rilinger / Hrsg. T. Schmitt et al. Oldenbourg, 2005. S. 151–187).
4. Моммзен Т. История Рима. Том V. Провинции от Цезаря до Диоклетиана / Пер. с нем. под ред. и с предисл. проф. Н.А. Машкина. М.: Изд-во иностранной литературы, 1949. 631 с.
5. Henderson B.W. Civil War and Rebellion in the Roman Empire, A.D. 69–70. A Companion to the «Histories» of Tacitus. L.: MacMillan and Co, 1908. xiv, 359 p.
6. Kajanto I. Tacitus' Attitude to War and the Soldier // *Latomus*. 1970. T. 29. P. 699–718.
7. Wiedemann T.E.J. From Nero to Vespasian // *Cambridge Ancient History*. Vol. X. The Augustan Empire, 43 B.C. – A.D. 69 / Ed. A.K. Bowman, E. Champlin, A. Lintott. Cambridge, 1996. P. 256–282.
8. Махлаюк А.В. Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Издательство «Акра», 2006. 440 с.
9. Махлаюк А.В. Духи предков, доблесть и дисциплина: социокультурные и идеологические аспекты античной военной истории в новейшей историографии // *Вестник древней истории*. 2010. № 3. С. 141–162.
10. Lendon J.E. *Soldiers and Ghosts: A History of Battle in Classical Antiquity*. New Haven: Yale University Press, 2005. xii, 468 p.
11. Phang S.E. *Roman Military Service. Ideologies of Discipline in the Late Republic and Early Principate*. Cambridge – New York: Cambridge University Press, 2008. xv, 336 p.
12. Speidel M.A. *Pro patria mori...* La doctrine du patriotisme romain dans l'armée impériale // *Cahiers Glotz*. 2010. Vol. 21. P. 139–154.
13. Speidel M.A. Being a Soldier in the Roman Imperial Army: Expectations and Responses // *Le métier du soldat dans le monde romain. Actes du cinquième congrès de Lyon organisé les 23–25 septembre 2010 par l'Université Jean Moulin Lyon 3* / Ed. C. Wolff. Lyon, 2012. P. 175–191.
14. Stoll O. *De honore certabant et dignitate*. Truppe und Selbstidentifikation in der Armee der römischen Kaiserzeit // *Idem. Römisches Heer und Gesellschaft. Gesammelte Beiträge 1991–1999*. Stuttgart, 2001. S. 106–136.
15. Ureche P. The Soldiers' Morale in the Roman Army // *Journal of Ancient History and Archaeology*. 2014. No. 1. 3. P. 3–7.
16. Messer W.St. Mutiny in the Roman Army // *Classical Philology*. 1920. Vol. 15. P. 158–175.
17. Gabba E. *Le rivolte militari romane dal IV secolo a. C. ad Augusto*. Firenze: Sansoni, 1975. 225 p.
18. Brice L.L. *Holding a Wolf by the Ears: Mutiny and Unrest in the Roman Military, 44 B.C. – A.D. 68*. PhD Diss. Chapel Hill, 2003. xx, 508 p.
19. Chrissanthos S.G. *Seditio*. Mutiny in the Roman Army, 90–40 B.C. PhD Diss. University of Southern California, 1999. 218 p.
20. Wolff C. *Déserteurs et transfuges dans l'armée romaine à l'époque républicaine*. Naples: Jovene, 2009. 453 p.
21. Wolff C. *L'armée Romaine: Une Armée Modèle?* Paris: CNRS Editions, 2012. 200 p.
22. Gueye M. *Délits et peines militaires à Rome sous la République: desertio et transfugium pendant les guerres civiles* // *Gerión*. 2013. Vol. 31. P. 221–238.
23. Alföldy G. *Bellum desertorum* // *Bonner Jahrbücher*. 1971. Bd. 171. S. 367–376 (= *Idem. Die Krise des Römischen Reich. Geschichte, Geschichtsschreibung und Geschichtsbetrachtung. Ausgewählte Beiträge*. Stuttgart, 1989. S. 69–78).
24. Charles-Picard G. *La révolte de Maternus* // *Bulletin de la Société Nationale des Antiquaires de France*. 1985. P. 77–84.
25. Vallejo Girvés M. *La legislación sobre los desertores en el contexto político-militar de finale del siglo IV y principios del V d. C.* // *Latomus*. 1996. T. 55. Fasc. 1. P. 31–47.
26. Cañizar Palacios J. L. *Posibles causas de desertión en el ejército romano vistas a través del Codex Theodosianus. Problemática bajo Constantino y problemática a partir de la segunda mitad el siglo IV d. C.* // *Studia historica. Historia antigua*. 1998. Vol. 16. P. 217–232.
27. Arangio-Ruiz V. *Sul reato di diserzione in diritto romano* // *Scritti di diritto romano*. II. Camerino, 1974. P. 1–12 (= *Rivista di diritto e procedura penale*. 1919. Vol. 10. P. 138–147).
28. Cosme P. *Le châtement des déserteurs dans l'armée romaine* // *Revue historique de droit français et étranger*. 2003. № 3. P. 287–308.
29. Vallejo Girvés M. *Sobre la persecución y el castigo a los desertores en el ejército de Roma* // *Polis. Revista de ideas y formas políticas de la Antigüedad clásica*. 1993. Vol. 5. P. 241–251.
30. Vallejo Girvés M. *Hi qui loco cesserant/ali deserere proelium*. Reflexiones sobre la cobardía en el ejército de Roma // *II Congreso Peninsular de Historia Antigua*. Vol. I. Vitoria, 1994. P. 225–232.
31. Le Bohec Y. *Desertor* // *Brill's New Pauly: Encyclopaedia of the Ancient World*. Cyr – Epy. Leiden – Boston – Cologne, 2004. P. 315.
32. Wierschowski L. *Roma naturaliter bellicosa? – Kriegsdienstverweigerung und Fahnenflucht im Römischen Reich* // *Osnabrücker Jahrbuch Frieden und Wissenschaft*. 1997. IV. S. 131–153.
33. Vallejo Girvés M. *Transfugae* en el ejército de Roma // *Hispania Antiqua. Revista de Historia Antigua*. 1996. Vol. 20. P. 399–408.
34. Vallejo Girvés M. *Violación del sacramentum y crimen maiestatis: la cobardía en el ejército de Roma* // *Habis*. 1997. No. 28. P. 167–177.
35. Schnorr von Carolsfeld L. *Transfuga* // *Pauly's Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft, neue Bearbeitung, begonnen von G. Wissowa, hrsg. von W. Kroll*. Bd. II. 12. Stuttgart, 1937. Sp. 2152–2154.

36. Fuhrmann M. *Proditio* // Pauly's Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft, neue Bearbeitung, begonnen von G. Wissowa, hrsg. von W. Kroll. Suppl. 9. Stuttgart, 1962. Sp. 1221–1230.
37. Mommsen Th. *Römisches Strafrecht*. Leipzig: Verlag von Duncker & Humboldt, 1899. 1078 S.
38. Watson G.R. *The Roman Soldier*. New York – Ithaka: Cornell University Press, 1969. 274 p.
39. Lear F.S. *Treason in Roman and Germanic Law: Collected Papers*. Austin: Published for Rice University, Houston [by] University of Texas Press, 1965. 142 p.
40. Vendrand-Voyer J. *Normes civiques et métier militaire à Rome sous le Principat*. Clermont: ADOSA, 1983. 320 p.
41. Rüpke J. *Domi militiaeque: Die religiöse Kon- struktion des Krieges in Rom*. Stuttgart: Fr. Steiner Verlag, 1990. 312 S.
42. Premerstein A., von. *Vom Werden und Wesen des Prinzipats*. München: Verlag d. Bayer. Akad. d. Wissenschaften, 1937. xii, 290 S.
43. Campbell J.B. *The Emperor and the Roman Army: 31 B.C. – A.D. 235*. Oxford: Clarendon Press, 1984. xix, 468 p.
44. Stäcker J. *Princeps und miles: Studien zum Bindungs- und Nachverhältnis von Kaiser und Soldat im 1. und 2. Jahrhundert n. Chr.* Hildesheim: Georg Olms Verlag, 2003. 492 S.
45. Kreller H. *Postliminium* // Pauly's Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft, neue Bearbeitung, begonnen von G. Wissowa, hrsg. von W. Kroll. Bd. 22. 1. Stuttgart, 1953. Sp. 863–873.

DEFECTORS AND TRAITORS IN THE ROMAN IMPERIAL ARMY

A.V. Makhlaiuk

The article deals with the problem of betrayal in the army of the early Roman Empire (1st to early 3d century A.D.). Analyzing the facts of betrayal and treachery in the Roman imperial army, as well as the various interpretations of these military offences in legal sources, the author seeks to demonstrate the interrelation of traditional stipulations of law and ideological conceptions of betrayal with the realities of professional army. The available sources do not allow for a comprehensive evaluation of the phenomenon of betrayal among Roman military. Most of the information about the deserters and traitors is provided by the legal sources, and due to the very nature of such sources it is difficult to judge with certainty about the extent of betrayal in the Roman Imperial Army. Narratives of the Imperial age give relatively few episodes and details about Roman troops crossing over to the enemy. However, the very scarcity of such evidence suggests that *transfugium* was not of any mass scale. It is not unlikely that the system of legal norms concerning traitors was rather effective to stimulate loyalty to the military oath. These norms, in their nature and content, date back to the practices and customs of the Republican period. The emphasis in their ideological justification was placed on the loyalty to military duty and discipline, rather than on personal loyalty to the emperor. This means that the idea of service to the state (*res publica Romana*) remained one of the foundations of the Roman military traditions in the age of the Empire.

Keywords: Roman imperial army, betrayal, treachery, *proditio*, *transfugium*, *transfugae*, Roman military law.

References

1. Urban R. *Der «Bataveraufstand» und die Erhebung des Iulius Classicus*. Trier: Verlag Trierer Historische Forschungen, 1985. 105 S.
2. Urban R. *Gallia rebellis: Erhebungen in Gallien im Spiegel antiker Zeugnisse*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1999. 165 S.
3. Timpe D. *Tacitus und der Bataveraufstand // Römisch-germanisch Begegnungen in der späten Republik und frühen Kaiserzeit. Voraussetzungen . Konfrontationen . Wirkungen. Gesammelte Studien*. München, 2006. S. 318–357 (= Timpe D. *Gegenwärtige Antike . antike Gegenwart*. Kolloquium zum 60. Geburtstag von Rolf Rilinger / Hrsg. T. Schmitt et al. Oldenbourg, 2005. S. 151–187).
4. Mommsen T. *Istoriya Rima. Tom V. Provincii ot Cezarya do Diokletiana / Per. s nem. pod red. i s predisl. prof. N.A. Mashkina. M.: Izd-vo inostrannoj literatury, 1949. 631 s.*
5. Henderson B.W. *Civil War and Rebellion in the Roman Empire, A.D. 69–70. A Companion to the «Histories» of Tacitus*. L.: MacMillan and Co, 1908. xiv, 359 p.
6. Kajanto I. *Tacitus' Attitude to War and the Soldier // Latomus*. 1970. T. 29. P. 699–718.
7. Wiedemann T.E.J. *From Nero to Vespasian // Cambridge Ancient History. Vol. X. The Augustan Empire, 43 B.C. – A.D. 69 / Ed. A.K. Bowman, E. Champlin, A. Lintott*. Cambridge, 1996. P. 256–282.
8. Mahlayuk A.V. *Soldaty Rimskoj imperii. Tradicii voennoj sluzhby i voinskaya mental'nost'*. SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU; Izdatel'stvo «Akra», 2006. 440 s.
9. Mahlayuk A.V. *Duhi predkov, doblest' i disciplina: sociokul'turnye i ideologicheskie aspekty antichnoj voennoj istorii v novejshej istoriografii // Vestnik drevnej istorii*. 2010. № 3. S. 141–162.
10. Lendon J.E. *Soldiers and Ghosts: A History of Battle in Classical Antiquity*. New Haven: Yale University Press, 2005. xii, 468 p.
11. Phang S.E. *Roman Military Service. Ideologies of Discipline in the Late Republic and Early Principate*. Cambridge – New York: Cambridge University Press, 2008. xv, 336 p.
12. Speidel M.A. *Pro patria mori... La doctrine du patriotisme romain dans l'armée impériale // Cahiers Glotz*. 2010. Vol. 21. P. 139–154.
13. Speidel M.A. *Being a Soldier in the Roman Imperial Army: Expectations and Responses // Le métier du soldat dans le monde romain. Actes du cinquième congrès de Lyon organisé les 23–25 septembre 2010 par*

- l'Université Jean Moulin Lyon 3 / Ed. C. Wolff. Lyon, 2012. P. 175–191.
14. Stoll O. *De honore certabant et dignitate*. Truppe und Selbstidentifikation in der Armee der römischen Kaiserzeit // Idem. *Römisches Heer und Gesellschaft*. Gesammelte Beiträge 1991–1999. Stuttgart, 2001. S. 106–136.
15. Ureche P. The Soldiers' Morale in the Roman Army // *Journal of Ancient History and Archaeology*. 2014. No. 1. 3. P. 3–7.
16. Messer W.St. *Mutiny in the Roman Army* // *Classical Philology*. 1920. Vol. 15. P. 158–175.
17. Gabba E. *Le rivolte militari romane dal IV secolo a. C. ad Augusto*. Firenze: Sansoni, 1975. 225 p.
18. Brice L.L. *Holding a Wolf by the Ears: Mutiny and Unrest in the Roman Military, 44 B.C. – A.D. 68*. PhD Diss. Chapel Hill, 2003. xx, 508 p.
19. Chrissanthos S.G. *Seditio*. Mutiny in the Roman Army, 90–40 B.C. PhD Diss. University of Southern California, 1999. 218 p.
20. Wolff C. *Déserteurs et transfuges dans l'armée romaine à l'époque républicaine*. Naples: Jovene, 2009. 453 p.
21. Wolff C. *L'armée Romaine: Une Armée Modèle?* Paris: CNRS Editions, 2012. 200 p.
22. Gueye M. *Délits et peines militaires à Rome sous la République: desertio et transfugium pendant les guerres civiles* // *Gerión*. 2013. Vol. 31. P. 221–238.
23. Alföldy G. *Bellum desertorum* // *Bonner Jahrbücher*. 1971. Bd. 171. S. 367–376 (= Idem. *Die Krise des Römischen Reich. Geschichte, Geschichtsschreibung und Geschichtsbetrachtung*. Ausgewählte Beiträge. Stuttgart, 1989. S. 69–78).
24. Charles-Picard G. *La révolte de Maternus* // *Bulletin de la Société Nationale des Antiquaires de France*. 1985. P. 77–84.
25. Vallejo Girvés M. *La legislación sobre los desertores en el contexto político-militar de finale del siglo IV y principios del V d. C.* // *Latomus*. 1996. T. 55. Fasc. 1. P. 31–47.
26. Cañizar Palacios J. L. *Posibles causas de deserción en el ejército romano vistas a través del Codex Theodosianus. Problemática bajo Constantino y problemática a partir de la segunda mitad el siglo IV d. C.* // *Studia historica. Historia antigua*. 1998. Vol. 16. P. 217–232.
27. Arangio-Ruiz V. *Sul reato di diserzione in diritto romano* // *Scritti di diritto romano*. II. Camerino, 1974. P. 1–12 (= *Rivista di diritto e procedura penale*. 1919. Vol. 10. P. 138–147).
28. Cosme P. *Le châtement des déserteurs dans l'armée romaine* // *Revue historique de droit français et étranger*. 2003. № 3. P. 287–308.
29. Vallejo Girvés M. *Sobre la persecución y el castigo a los desertores en el ejército de Roma* // *Polis. Revista de ideas y formas políticas de la Antigüedad clásica*. 1993. Vol. 5. P. 241–251.
30. Vallejo Girvés M. *Hi qui loco cesserant/ali deserere proelium*. Reflexiones sobre la cobardía en el ejército de Roma // II Congreso Peninsular de Historia Antigua. Vol. I. Vitoria, 1994. P. 225–232.
31. Le Bohec Y. *Desertor* // *Brill's New Pauly: Encyclopaedia of the Ancient World*. Cyr – Epy. Leiden – Boston – Cologne, 2004. P. 315.
32. Wierschowski L. *Roma naturaliter bellicosa? – Kriegsdienstverweigerung und Fahnenflucht im Römischen Reich* // *Osnabrücker Jahrbuch Frieden und Wissenschaft*. 1997. IV. S. 131–153.
33. Vallejo Girvés M. *Transfugae* en el ejército de Roma // *Hispania Antiqua. Revista de Historia Antigua*. 1996. Vol. 20. P. 399–408.
34. Vallejo Girvés M. *Violación del sacramentum y crimen maiestatis: la cobardía en el ejército de Roma* // *Habis*. 1997. No. 28. P. 167–177.
35. Schnorr von Carolsfeld L. *Transfuga* // *Pauly's Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft, neue Bearbeitung, begonnen von G. Wissowa, hrsg. von W. Kroll*. Bd. II. 12. Stuttgart, 1937. Sp. 2152–2154.
36. Fuhrmann M. *Proditio* // *Pauly's Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft, neue Bearbeitung, begonnen von G. Wissowa, hrsg. von W. Kroll*. Suppl. 9. Stuttgart, 1962. Sp. 1221–1230.
37. Mommsen Th. *Römisches Strafrecht*. Leipzig: Verlag von Duncker & Humboldt, 1899. 1078 S.
38. Watson G.R. *The Roman Soldier*. New York – Ithaka: Cornell University Press, 1969. 274 p.
39. Lear F.S. *Treason in Roman and Germanic Law: Collected Papers*. Austin: Published for Rice University, Houston [by] University of Texas Press, 1965. 142 p.
40. Vendrand-Voyer J. *Normes civiques et métier militaire à Rome sous le Principat*. Clermont: ADOSA, 1983. 320 p.
41. Rüpke J. *Domi militiaeque: Die religiöse Konstruktion des Krieges in Rom*. Stuttgart: Fr. Steiner Verlag, 1990. 312 S.
42. Premerstein A., von. *Vom Werden und Wesen des Prinzipats*. München: Verlag d. Bayer. Akad. d. Wissenschaften, 1937. xii, 290 S.
43. Campbell J.B. *The Emperor and the Roman Army: 31 B.C. – A.D. 235*. Oxford: Clarendon Press, 1984. xix, 468 p.
44. Stäcker J. *Princeps und miles: Studien zum Bindungs- und Nachverhältnis von Kaiser und Soldat im 1. und 2. Jahrhundert n. Chr.* Hildesheim: Georg Olms Verlag, 2003. 492 S.
45. Kreller H. *Postliminium* // *Pauly's Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft, neue Bearbeitung, begonnen von G. Wissowa, hrsg. von W. Kroll*. Bd. 22. 1. Stuttgart, 1953. Sp. 863–873.